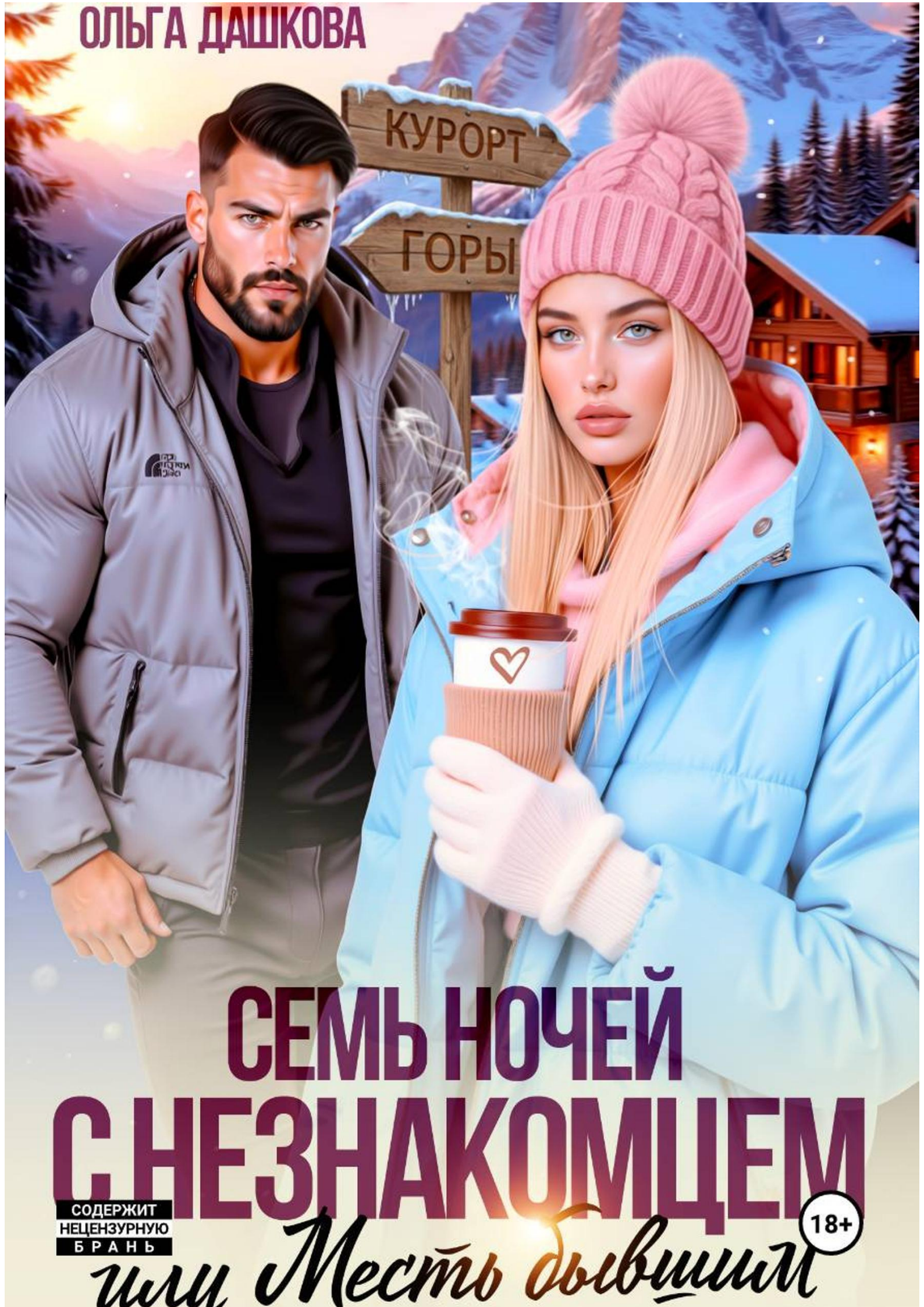

ОЛЬГА ДАШКОВА

СЕМЬ НОЧЕЙ С НЕЗНАКОМЦЕМ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

или Месть бывшим

Ольга Дашкова

**Семь ночей с незнакомцем.
Или месть бывшим**

«Автор»

2026

Дашкова О. В.

Семь ночей с незнакомцем. Или месть бывшим / О. В. Дашкова —
«Автор», 2026

Мои планы на новогодние каникулы: уютное шале в горах, кофе, книга и одиночество разбитого сердца. Реальность: ошибка бронирования и наглый сосед, который шумит по ночам и ходит полуголым. Объявлена война! Месть будет не сладкой. Но почему с каждым днем мне все труднее его ненавидеть? Почему его улыбка согревает лучше глинтвейна? И почему я боюсь, что после Нового года он исчезнет из моей жизни? Семь дней. Один домик на двоих. Слишком много... всего слишком много! ✓# Один домик, два разбитых сердца и... страстный Новый год? ✓# Наглый сосед и строптивая героиня ✓# Он ненависти до яркой страсти ✓# Противостояние, юмор, немного драмы, но и конечно... ЛЮБОВЬ! Продолжение серии "Сказки для взрослых" (читаются отдельно)

© Дашкова О. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	16
Глава 5	19
Глава 6	22
Глава 7	25
Глава 8	29
Глава 9	33
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Ольга Дашкова

Семь ночей с незнакомцем.

Или месть бывшим

Мои планы на новогодние каникулы: уютное шале в горах, кофе, книга и одиночество разбитого сердца.

Реальность: ошибка при бронировании и наглый сосед, который пьет МОЙ кофе, шумит по ночам и ходит полуголым.

Объявлена война. Месть будет сладкой.

Но почему с каждым днем мне все труднее его ненавидеть? Почему его улыбка согревает лучше камина? И почему я боюсь, что после Нового года он исчезнет из моей жизни?

Семь дней. Один домик на двоих. Слишком много... всего слишком много!

Глава 1

Существует несколько кругов ада, не упомянутых Данте.

Например, аэропорт Шереметьево в пятницу вечером накануне новогодних праздников, когда твой рейс задерживают на пять часов. А ты сидишь в зоне вылета с разбитым сердцем, разряженным телефоном и кофе за пятьсот рублей, который на вкус как растворимая подошва.

Или вот еще: когда ты двадцать один год хранишь себя для единственного.

Для того самого, для любви всей своей жизни – читаешь романы, веришь в сказки, отшиваешь всех парней в университете, потому что «я ищу серьезных отношений, а не интрижек на одну ночь».

А потом приходишь на два часа раньше и видишь, как этот «единственный» трахает рыжую стерву из своего отдела продаж. В твоей постели. В твоём розовом халате с единорогами.

Три дня назад.

Прошло три дня, а я все еще чувствую, как внутри все обрывается каждый раз, когда я вспоминаю выражение лица Кирилла. Не вину. Не раскаяние. Скорее... раздражение. Типа: «Ну вот, опять ты все драматизируешь, Аврора».

Приукрашиваю. Ага. Простите, что помешала вам весело проводить время в моей квартире, на моих простынях, которые я, кстати, стирала позавчера.

Но ладно. Проехали. Кирилл остался в прошлом вместе с моими иллюзиями о любви, верности и вообще о том, что мужчины – это нечто большее, чем приматы с бушующими гормонами.

И вот я здесь. В аэропорту. Жду свой чертов рейс уже четыре часа сорок минут.

На табло по-прежнему горит надпись «Рейс задерживается». Рядом со мной женщина с тремя детьми, младший из которых орет так, будто его режут. Старший размазывает шоколад по креслу. Средний бьет ногами по моей сумке. Женщина листает ленту новостей в телефоне и делает вид, что это не ее дети.

Я считаю до десяти. Потом до двадцати. Потом до ста. Не помогает.

В туалете закончилась туалетная бумага. В кафе закончились нормальные сэндвичи, остались только с тунцом (фу) и вегетарианские (тоже фу, но по другим причинам). У меня болит голова, ноют ноги, и я всерьез подумываю о том, чтобы просто взять такси и ехать в горы восемь часов по трассе.

Но нет. Билет куплен. Багаж сдан. Я дождусь этого чертова рейса, даже если придется встречать Новый год прямо в зоне вылета.

Наконец – НАКОНЕЦ-ТО! – объявляют посадку.

Вскакиваю, хватаю сумку, бегу к выходу, чуть не сбив старушку с тележкой. Извините, бабуля, но я провела в этом аду четыре часа сорок семь минут не для того, чтобы опоздать на свой рейс.

Самолет, конечно, тоже не подарок.

Эконом-класс (Кирилл решил сэкономить, козел). Узкие кресла. Кондиционер либо не работает, либо кто-то выставил его на «арктический холод».

Передо мной садится мужик в спортивном костюме (почему мужчины в спортивных костюмах всегда выглядят подозрительно?), от которого разит перегаром и одеколоном. При чем одеколоном так, будто он не просто побрызгался, а искупался в нем. Полностью. С головой.

Запах бьет в нос с такой силой, что у меня слезятся глаза. Отлично. Просто замечательно.

Мужик откидывает спинку кресла – естественно, на полную, так что она упирается мне в колени, – и через тридцать секунд начинает храпеть.

А позади меня, как я и подозревала, садится та самая женщина с тремя детьми. Младенец кричит еще до взлета. Я закрываю глаза и представляю, как душу рыжую в моем розовом халате с единорогами. Медленно. С чувством.

Лучше. Так гораздо лучше.

Полтора часа полета превращаются в марафон на выживание. Младенец орет без перерыва, я уже выучила все оттенки его плача – от «мне скучно» до «я сейчас взорвусь». Мужик впереди продолжает храпеть, а его одеколон, кажется, становится только сильнее. Средний ребенок сзади с завидной регулярностью пинает мое кресло.

Сжимаю подлокотники и мысленно повторяю мантру: «Скоро горы. Скоро тишина. Скоро я окажусь в шале, где никто не орет, не храпит и не воняет одеколоном». Только я и природа.

Когда самолет наконец приземляется, я готова расцеловать землю.

Аэропорт в горах маленький, провинциальный, но – о чудо! – там пахнет хвоей и глинтвейном. В углу стоит елка, увешанная деревянными игрушками. Звучит рождественская музыка – не навязчивая попса, а что-то уютное, с бубенцами и колокольчиками.

Забираю багаж, выхожу на улицу – и мороз бьет в лицо так, что перехватывает дыхание. Минус пятнадцать. Но не московские промозглые минус пятнадцать, когда ветер пронизывает насквозь, а какие-то правильные, сухие, бодрящие.

Снег хрустит под ногами. Воздух пахнет елями и чистотой. Впервые за три дня что-то внутри оттаивает.

Трансфер до курорта занимает двадцать минут. Микроавтобус едет по серпантину, а за окном разворачивается зимняя сказка: заснеженные ели, горные вершины, подсвеченные закатным солнцем, маленькие деревянные домики с дымящимися трубами. Где-то вдалеке видны освещенные лыжные трассы – крошечные фигурки спускаются вниз, оставляя за собой снежные шлейфы.

Курорт «Хрустальный пик» встречает гирляндами, фонарями в старинном стиле и огромной елкой на центральной площади. Вокруг нее – деревянные домики с рождественской ярмаркой: глинтвейн, жареные каштаны, имбирные пряники, вязаные варежки и шапки.

Пахнет корицей, медом и хвоей. Играет живая музыка – кто-то поет старые рождественские песни под гитару. Дети катаются с ледяной горки, визжа от восторга. Влюбленные парочки гуляют под ручку, пьют какао из больших кружек. Где-то смеются, где-то чокаются бокалами.

Меня от всей этой праздничной идиллии сейчас немного мутит – не потому, что я Гринч, а потому что еще три дня назад я планировала быть здесь с Кириллом. Планировала гулять под ручку, пить какао, жевать пряник и смеяться.

А теперь я здесь одна.

Ну и пусть. Зато никто не испортит мне каникулы. Никаких ожиданий, никаких разочарований.

Администратор на ресепшене – миловидная девушка с бейджиком «Алена» – улыбается так, будто я ее лучшая подруга:

– Добро пожаловать в «Хрустальный пик»! Вы Аврора Снежина?

– Да, – я устало киваю, и да, мой папа большой оригинал, Аврора Снежина звучит как бренд минеральной воды, но за двадцать один год я уже привыкла.

– Замечательно! Вот ваша ключ-карта от шале номер семь. Это наш лучший номер – прямо у подъемника, с видом на долину, джакузи на террасе и с камином. Завтраки с восьми до одиннадцати в главном ресторане, спа-центр работает до десяти вечера, прокат лыж – круглосуточно. Если вам что-то понадобится, звоните на ресепшен!

Она протягивает мне ключ-карту, карту курорта и еще какие-то буклеты. Я киваю, бормочу «спасибо» и выхожу на улицу.

Аллея, ведущая к шале, освещена фонарями, по бокам – сугробы, усыпанные искрящимся снегом. Где-то играет музыка, где-то смеются люди. В воздухе кружатся снежинки – мелкие, легкие, как в рождественском фильме.

И вот оно. Шале номер семь. Останавливаюсь и просто смотрю. Это... красиво. Нет, не так. *Это охрененно красиво.*

Двухэтажный домик из темного дерева с огромными панорамными окнами, из которых льется теплый желтый свет. Заснеженная крыша, с которой свисают гирлянды.

Терраса с джакузи – оно реально дымится на морозе, как в каком-нибудь богемном спа. Фонари вдоль дорожки. Венки из еловых веток на двери.

Позади – освещенные склоны, подъемник с покачивающимися кабинками, розовеющее небо, на котором проступают первые звезды.

Достаю телефон и делаю фото. Потом еще одно. Потом селфи на фоне шале – растрепанные волосы, красный нос, но улыбка настоящая. Первая за три дня. Надо выложить в общий чат с подружками, эти курицы, кстати, еще не знают, что я здесь одна и без козла-Кирилла.

Прикладываю карту к замку. Щелчок. Дверь открывается. И я попадаю в сказку.

Тепло окутывает меня, словно объятия. Снова пахнет хвоей, корицей и чем-то еще – яблоками? В прихожей – вешалка из натурального дерева, полка для обуви, огромное зеркало в резной раме.

Бросаю чемодан у порога и иду дальше.

Гостиная. О боже мой!

Высокие потолки с массивными деревянными балками. Панорамные окна во всю стену – а за ними горы, лес, освещенные трассы. Камин с настоящим огнем, который уже горит и потрескивает.

Огромные диваны, утопающие в подушках и пледах. Шкуры на полу (надеюсь, искусственные). Свечи – повсюду свечи, на каждой полке, на журнальном столике, на подоконнике.

Елка в углу, украшенная снова деревянными игрушками и гирляндами. На кухне – мраморная островная стойка, кофемашинка (я в нее влюбилась), корзина с фруктами и...

Бутылка вина. Красное. С запиской: «Добро пожаловать в «Хрустальный пик»! Приятного отдыха!»

Я беру бутылку, читаю этикетку. Французское. Дорогое. У папы таких полно в подвале. Спасибо, «Хрустальный пик» и козел-Кирилл (который не пожалел денег). Вы знаете, как задобрить гостью с разбитым сердцем.

Стягиваю угги, пуховик летит на спинку дивана. Шарф – на пол, шапка туда же. Свитер – на журнальный столик.

Кто меня увидит? Никто. Я одна. Наконец-то блаженно, восхитительно одна.

Поднимаюсь по лестнице на второй этаж, на ходу расстегивая джинсы. Три двери: две спальни и ванная. Открываю ванную.

И чуть не плачу.

Огромная – размером с детский бассейн, в которую можно лечь вдвоем (стоп, нет, не думать об этом). Панорамное окно с видом на лес – темнеющие ели, снег, звезды. Никаких соседей, никаких свидетелей.

Свечи на полках. Стопка белоснежных полотенец размером с одеяло. Банный халат. И целая коллекция косметики – маски, скрабы, соли для ванн, масла.

Это место – подарок от богов женищинам с разбитыми сердцами.

Включаю воду. Горячую. Почти обжигающую. Добавляю пену из флакона «Лаванда и ваниль». Пока ванна набирается, спускаюсь за вином.

Джинсы летят на перила. Носки – на ступеньку. Футболка – еще выше.

Беру бутылку, штопор, бокал и иду обратно, включив музыку на телефоне. Что-то медленное, задумчивое, без слов. Что-то, что не напомнит мне о Кирилле и о том, какой же я была идиоткой.

В ванной клубится пар. Пена поднялась почти до краев, пышная, ароматная. За окном начинает идти снег – мелкие снежинки кружатся в свете фонарей.

Снимаю белье, собираю волосы в небрежный пучок и медленно погружаюсь в воду.

Ох.

Охохох.

Это...

Это и есть рай.

Горячая вода обволакивает тело, снимая усталость, напряжение и боль. Пена пахнет так, что хочется раствориться в ней. Музыка играет тихо, где-то на периферии сознания.

Открываю вино – пробка вылетает с тихим хлопком – и наполняю бокал. Делаю глоток. Терпкое. Насыщенное. С нотками вишни, специй и чего-то еще, что я не могу определить.

Идеально.

Откидываюсь назад, погружаясь глубже, и закрываю глаза. На полке – маска для лица. Беру какую-то увлажняющую с гиалуроновой кислотой, наношу толстым слоем. Пусть лицо тоже отдохнет после трех дней рыданий.

За окном все сильнее валит снег. Где-то вдалеке слышны смех, музыка, звон бокалов. Другие люди празднуют, влюбляются, живут.

А я здесь. В ванне. С вином. В полном одиночестве. И знаете что? *Это охрененно.*

Семь дней. Семь дней только для себя. Без мужчин, без драм, без ожиданий. Делаю еще один глоток вина и улыбаюсь.

Никто не испортит мне эти каникулы. ***Никто.***

До Нового года: 7 дней

Глава 2

Есть несколько вещей, которые мужчине не следует делать в тридцать два года.

Например, напиваться три дня подряд так, что утром четвертого дня ты не помнишь, как оказался в аэропорту, почему на тебе спортивный костюм (который ты, кстати, ненавидишь) и откуда в кармане билет на рейс в какие-то горы.

Или вот еще: зайти к лучшему другу без предупреждения. Потому что там может быть твоя девушка. Голая. На его диване. С его... ну, вы поняли.

Три дня назад я собирался сделать предложение. Купил кольцо. Между прочим, за триста тысяч. Платина, бриллиант в карат – все как надо.

Забронировал то самое шале на горном курорте, о котором Алла мечтала последние полгода. «Хрустальный пик», романтика, Новый год, фейерверки, горячий шоколад у камина – весь этот гребанный набор сопливой романтики.

Я даже репетировал речь. Серьезно. Стоял перед зеркалом и репетировал, как идиот. «Алла, ты – любовь всей моей жизни».

Ха.

Ха-ха.

Ха-ха-ха, блядь.

Знаете, что самое смешное? Я действительно в это верил.

Думал, что она – та самая. Что мы вместе построим будущее, заведем детей, купим дом, все по плану. Я тридцать два года ждал, пока найду ту единственную. Отшивал всех, кто предлагал «просто поразвлечься». Потому что я серьезный мужик. Ответственный. Не из тех, кто трахается направо и налево.

А потом приезжаешь к другу – лучшему другу, с которым дружишь уже пятнадцать лет, блядь, – хочешь сделать сюрприз, приносишь пиво и пиццу... и видишь свою девушку. На его диване.

Без одежды. И он тоже без одежды. И они явно не обсуждают погоду.

Знаете, что происходит в такие моменты? Время останавливается. Буквально. Ты стоишь в дверях с пиццей в руках и думаешь: «*Может, это сон? Может, мне показалось?*»

Но нет. Это не сон. Это чертова реальность. Алла даже не испугалась. Она просто посмотрела на меня и сказала: «Вася, мы можем поговорить?»

Поговорить.

ПОГОВОРИТЬ.

Я чуть не убил их обоих. Seriously. Я как будто со стороны наблюдал, как хватаю Игоря за глотку и вжимаю его лицо в этот чертов диван. Как орет Алла. Как соседи вызывают полицию, как меня уводят в наручниках и как я сижу за решеткой за покушение.

Но знаете, что я сделал вместо этого? Развернулся и ушел. Бросил пиццу прямо на пол, развернулся и ушел.

А потом купил бутылку виски. Потом еще одну. Потом вообще перестал считать.

Три дня. Три отвратительных дня я пил, пытаюсь выбросить из головы образ Аллы на диване у Игоряна. Друзья звонили – я сбрасывал. Алла писала – я блокировал. Родители спрашивали, что случилось, – я врал, что все в порядке.

Все было не в порядке.

Я сидел в своей квартире, пил виски и думал: «На хрен мне этот курорт? На хрен мне эта поездка? Пусть Алла катится с моим другом куда подальше».

Но потом – где-то на третьей бутылке – я подумал: «А знаешь что, Вася? Ты заплатил за это шале кучу денег. Ты взял отпуск. Ты, блядь, заслужил эти каникулы».

И еще я подумал: «Знаешь, что ты сделаешь? Ты поедешь туда. И ты оторвешься. По полной. Познакомишься со всеми девушками на курорте. С КАЖДОЙ. Потрахаешься с кем-нибудь. Или даже с несколькими сразу. Забудешь эту стерву Аллу и этого мудака – бывшего уже лучшего друга».

План был гениальный. Простой. Понятный.

Проблема была только одна: я все еще был пьян, когда собирал сумку.

Поэтому в сумке оказались: три спортивных костюма (которые я ненавижу, но они были единственной чистой одеждой), две бутылки виски (на всякий случай), коробка презервативов (оптимизм, да), зубная щетка и... кольцо. То самое, за триста тысяч.

Зачем я взял кольцо? Хрен его знает. Пьяная логика.

Утром четвертого дня я очнулся на полу в прихожей. Голова раскалывалась. Во рту было сухо, как в Сахаре. Телефон пищал – восемнадцать пропущенных от Аллы, десять от Игоря (этот мудака еще смеет звонить!) и одно СМС от матери: «Сынок, у тебя же сегодня рейс. Не опоздай».

Рейс.

Блядь.

Рейс через два часа.

Вскочил – и чуть не упал обратно, потому что мир вокруг закружился. Похмелье накрыло меня, как цунами. Но я кое-как добрался до ванной, сунул голову под холодную воду, почистил зубы, натянул первое, что попало под руку, – спортивный костюм. Вылил на себя полфлакона туалетной воды и схватил сумку.

Такси. Аэропорт. Регистрация. Все как в тумане.

Помню, как девушка на регистрации посмотрела на меня с подозрением – видимо, я выглядел как алкаш после трехдневного запоя (что, в принципе, недалеко от истины). Но билет был настоящий, паспорт тоже, так что она молча выдала мне посадочный талон.

Зона вылета. Кофе. Три чашки подряд. Не помогло – голова все равно раскалывалась.

Рядом кричал младенец. Какая-то женщина с тремя детьми вообще не следила за ними: один размазывал шоколад по креслу, другой бегал кругами, третий орал так, будто его резали.

Я подумал: «Господи, только бы эта семейка не села со мной в самолет».

Угадайте, что случилось? Правильно. Они сели. Прямо позади меня. Но мне было все равно. Я был слишком пьян – нет, не пьян, а в том странном состоянии между похмельем и остаточным опьянением, – чтобы волноваться о чем-то.

В самолете я сразу откинул спинку кресла на полную (извини, кто бы ни сидел сзади, но мне реально похрен) и попытался заснуть. Но сначала нужно было сделать кое-что важное.

Я достал из кармана фляжку (да, спасибо, дьюти-фри) и сделал пару глотков виски. Чтобы снять похмелье. Чисто в медицинских целях.

Потом еще пару. И еще. Где-то на пятом глотке стюардесса склонилась надо мной и сказала очень вежливо, но твердо:

– Мужчина, вы не могли бы убрать алкоголь? На борту запрещено распивать спиртные напитки, не приобретенные у нас.

– Ага. Конечно. Извините, – посмотрел на нее, попытался сфокусировать взгляд.

Убрал фляжку. Но виски уже сделал свое дело. Голова перестала раскалываться. Вместо этого все вокруг стало каким-то мягким, теплым, нереальным. Я закрыл глаза и провалился.

Снилась мне, естественно, Алла. Мы были в шале, у камина. Я делал предложение. Она плакала от счастья. Все было идеально. А потом во сне появился Игоря. И картинка поменялась – я снова стоял в его квартире с пищей в руках, а они... ну, вы помните.

Где-то на краю сознания я слышал, как орет младенец. Как храплю я сам. Как кто-то позади стонет: «Господи, когда мы уже приземлимся?»

Но мне было все равно. Я спал. Спал и видел кошмары про Аллу, Игоряна, кольцо за триста тысяч и разбитые мечты.

– Мужчина? Мужчина, проснитесь. Мы приземлились.

Открыл глаза. Надо мной склонилась стюардесса – та самая, которая хотела отобрать у меня фляжку. Она профессионально улыбалась, но ее взгляд говорил: *«Господи, ну и алкаш»*.

– Мы приземлились, – повторила она. – Вам нужно выйти из самолета.

Моргнул. Огляделся. Салон был пуст. Абсолютно. Все пассажиры уже вышли, включая ту мамашу с орущим младенцем.

– А, – понимающе сказал. – Да. Конечно. Извините.

Встал. Пошатнулся. Схватился за спинку кресла. Голова снова разболелась – похмелье вернулось с удвоенной силой.

– Ваша сумка в багажном отделении, – напомнила стюардесса с той же профессиональной улыбкой.

– Спасибо, – пробормотал и побрел к выходу.

Холодный воздух ударил в лицо, отрезвляя. Горы. Снег. Елки. Все такое праздничное... блядь.

Достал телефон – там было еще двадцать пропущенных от Аллы и сообщение от Игоряна: «Вась, ну давай поговорим по-мужски. Я все объясню».

Объяснит. Ага. Что тут объяснять? Удалено сообщение. Номер заблокирован. Все. Хватит.

Семь дней. У меня есть семь дней, чтобы забыть эту стерву, этого мудака и весь этот пиздец. Семь дней, чтобы напиться, познакомиться с девушками и перетрахать все, что движется.

План идеальный. Что может пойти не так?

Забрал сумку с багажной ленты, которая там каталась в полном одиночестве, вышел из аэропорта, трансфер до курорта уехал без меня, я вызвал такси.

Начинаем, Василий Васильевич. Начинаем новую жизнь.

Без Аллы. Без Игоряна. Без этого чертова кольца, любви и прочей чуши.

До Нового года: 7 дней

Глава 3

Знаете, что происходит, когда вы лежите в горячей ванне с вином больше часа? Нет, даже не час – все полтора?

Вы превращаетесь в блаженный, расслабленный овощ, который едва может пошевелить конечностями. Мозг отключается. Мышцы расслабляются до состояния желе. И вы просто плаваете в теплой воде, как сонная русалка, которой абсолютно наплевать на весь мир.

Я лежала в ванне, с головой погрузившись в пену, с полупустым бокалом в руке – уже третьим, если честно. Смотрела, как за окном кружатся снежинки в свете фонарей. Играла какая-то медитативная и тягучая музыка, а на полках мерцали свечи.

Идеально. Абсолютно, восхитительно, божественно идеально.

Впервые за три дня я не думала о Кирилле и его предательстве. Не вспоминала рыжую стерву в моем доме и розовый халат с единорогами. Не прокручивала в голове сцены того проклятого дня.

Я просто... была. Существовала. Дышала. Лежала в теплой воде и чувствовала, как напряжение медленно покидает тело, растворяясь в лавандовой пене.

Веки предательски отяжелели. Очень отяжелели. Голова медленно склонилась набок, и где-то на периферии сознания мелькнула мысль: «Только не усни в ванне, Аврора. Утонешь, как полная идиотка. Представь себе заголовок в местной газете: *«Девушка утонула в ванне с вином после того, как ее бросил парень»*. Жалко. Грустно. До невозможности тупо».

Но тело совершенно не желало слушаться разума. Руки были как чужие, ватные. Ноги – вообще где-то далеко, в параллельной реальности. Вино сделало свое коварное дело, и я медленно погружалась в сон прямо там, в воде...

Стоп. СТОП!

Резко дернулась, открыла глаза и села так быстро, что вода выплеснулась через край ванны, а пена белыми облачками полетела на пол. Сердце колотилось как после пробежки. Дыхание сбилось.

Ладно. Хватит. Пора вылезать, пока я действительно не утонула в собственной ванне в первый же день каникул. С трудом поднялась на ноги – они подкашивались, голова кружилась от резкой смены положения, а может, от вина.

Потянулась за полотенцем – огромным, пушистым, белоснежным, размером с королевское одеяло. Вытерла лицо, завернулась в полотенце, вышла из ванной, оставив там бокал, догорающие свечи и телефон на краю раковины, который все еще играл расслабляющую мелодию.

Коридор второго этажа встретил меня приятным теплом и мягким светом настенных бра. Это добавляло шале очков в категории «идеальное место для залечивания разбитого сердца».

Внизу был роскошный камин, надо было растопить его, чтобы пахло дровами и уютом, прямо как дома. За окнами метель усилилась, снег бился в стекла, но внутри было так тепло и спокойно, что хотелось свернуться калачиком под пледом и никогда отсюда не уезжать.

Я шла к лестнице медленно, наслаждаясь моментом, на ходу вытирая волосы вторым полотенцем и напевая что-то себе под нос, и, делая очередной шаг вперед по коридору... врезалась во что-то очень твердое, теплое и определенно живое.

Замерла на месте, как соляной столб. Полотенце для волос застыло у меня в руках где-то на уровне лица. Сердце пропустило удар, а потом заколотилось с удвоенной силой. Медленно, очень медленно я открыла глаза и подняла взгляд.

Грудь. Мужская. Голая.

Широкая, с легкой россыпью темных волос. Выше – сильная шея, квадратная челюсть, покрытая щетиной, и лицо. Незнакомое мужское лицо с темными глазами, которые смотрели на меня с таким же шоком, как и я на него.

Высокий. Очень высокий. Темные взъерошенные волосы. Широкие плечи. И эта проклятая голая грудь прямо передо мной.

Мужчина. В моем шале. ЧУЖОЙ мужчина.

Две секунды мы просто стояли и смотрели друг на друга. А потом я почувствовала, как полотенце на моем теле начинает предательски сползать. Узел ослаб от столкновения. Ткань медленно, мучительно медленно поползла вниз...

И упала к моим ногам. Я стояла перед совершенно незнакомым мужчиной абсолютно голая.

Время застыло на долю секунды – он смотрел на меня округлившимися глазами, я смотрела на него с ужасом, – а потом из моего горла вырвался вопль, от которого, наверное, где-то в горах сошла лавина.

Схватила полотенце с пола, прижала к себе и ПОБЕЖАЛА. Ноги едва слушались, сердце колотилось бешено, в голове был только один крик: «БЕГИ! БЕГИ! БЕГИ!»

Спальня. Дверь. Влетела внутрь, захлопнула дверь за собой и с облегчением услышала щелчок замка. Слава богу, здесь есть замок! Я прислонилась спиной к двери, тяжело дыша, все еще сжимая полотенце.

Мужчина. Чужой мужчина. В моем шале. Голый. Ну, почти голый. Что он здесь делает?! Как он вообще сюда попал?!

Грабитель. Точно грабитель. Или маньяк. Или насильник. Или все вместе взятое. О, господи! Телефон. Мне нужен телефон. Срочно. Позвонить в полицию, пока он не выломал дверь.

Рванула обратно в ванную комнату, отбросив полотенце, голая. Телефон лежал на краю раковины, экран светился – музыка все еще играла. Я потянулась к нему дрожащими руками, не удержала гладкий корпус.

Телефон выскользнул. Полетел вниз. Прямо в ванну, которая все еще была полна воды.

ПЛЮХ! ДА ТВОЮ ЖЕ МАТЬ!

– Нет! – сунула руку в воду, нащупала на дне телефон, вытащила его, трясая и пытаюсь включить, но экран был черным.

Нет-нет-нет, только не это!

Нажала на кнопку включения. Ничего. Еще раз. Опять ничего. Телефон умер. Просто взял и сдох у меня в руках, как моя последняя надежда на спасение.

Паника накатила новой волной. Я попыталась снова нажать на кнопку, трясая телефон, как будто это могло помочь, перегнулась через край ванны, пытаюсь лучше рассмотреть экран в тусклом свете свечей, и...

Поскользнулась.

Мои мокрые ноги не удержались на скользкой плитке. Руки взметнулись вверх, пытаюсь за что-то ухватиться, телефон снова полетел в сторону, а я – прямо в ванну.

С громким всплеском. С головой.

Вода накрыла меня, залилась в нос, в рот. Я вынырнула, фыркая и отплеиваясь, волосы облепили лицо. Пена лезла в глаза. Вода была уже не горячей, а противно теплой. Я сидела в ванне, вся мокрая, тяжело дышала. Сердце колотилось. Руки дрожали.

Отлично. Просто замечательно. Великолепно, Аврора. Ты не только столкнулась с голым незнакомцем, не только потеряла полотенце прямо перед ним, но еще и утопила телефон, а потом упала в ванну.

Браво. Овации. Занавес.

К горлу подступили слезы, но я зло сглотнула их. Нет. Я не буду плакать. Не сейчас. Нужно подумать. Нужно что-то делать. Мужчина снаружи. Он все еще там. Наверное, стоит у двери и ждет, когда я выйду. Или уже ломится внутрь. Или...

Прислушалась. Тишина. Никаких звуков. Ни шагов, ни голосов, ничего. Может, он ушел? Испугался моего крика и убежал? Или затаился. Ждет удобного момента.

Боже, я даже не знаю приемов самообороны! Ни одного! В университете был факультатив по самообороне, но я не пошла, потому что «зачем мне это, я же не планирую встречаться с маньяками». Ха. Как же я ошибалась.

Что я вообще могу сделать против взрослого мужчины? Он выше меня сантиметров на двадцать. Шире. Сильнее. У него мускулы, которые я успела разглядеть за те ужасные две секунды.

А у меня что? Ничего. Я растяпа, которая даже телефон не может удержать в руках.

Слезы все-таки покатались по щекам, смешиваясь с водой. Я зло смахнула их и вылезла из ванны, оставляя за собой лужи. Схватила с вешалки махровый халат, закуталась в него, затянув пояс так туго, что едва могла дышать. Пусть теперь попробует снять с меня эту броню.

Оружие. Мне нужно оружие. Что-нибудь тяжелое. Острое. Что угодно.

Взгляд упал на фен, лежащий на полке рядом с зеркалом. Большой, профессиональный, явно дорогой и, главное, тяжелый. Очень тяжелый. Можно треснуть им по голове – эффект будет неплохой.

Схватила фен, сжала его в руке, как дубинку, и медленно, крадучись, вышла из ванной в спальню. Прислушалась к звукам за дверью.

Тишина. Полная, абсолютная тишина. Может, он правда ушел? Сбежал от моих воплей?

Осторожно подкралась к двери и прижалась ухом к деревянной поверхности. Ничего. Ни шагов, ни дыхания, ни шороха одежды. По телу медленно разлилось облегчение. Он ушел. Точно ушел. Испугался и свалил отсюда.

Выдохнула, ослабила хватку и сделала шаг назад от двери. И в этот момент везде погас свет. Абсолютно везде. Сразу. Как будто кто-то щелкнул гигантским выключателем.

Спальня погрузилась в кромешную тьму. Лишь слабый свет луны пробивался сквозь метель за окном, отбрасывая причудливые тени на стены.

Я замерла, сжимая фен так сильно, что побелели пальцы.

Нет.

Нет-нет-нет.

Это он. Он отключил электричество. Специально. Чтобы я не увидела, откуда он нападет.

Сердце забило с новой силой, колотясь о ребра. Дыхание участилось. Руки задрожали. Тьма давила со всех сторон, густая, непроницаемая, полная неведомых опасностей.

И что мне теперь делать?!

Глава 4

Угадайте, что самое ужасное после трех дней беспробудного пьянства?

Нет, не похмелье. Не головная боль, от которой, кажется, череп раскалывается на мелкие кусочки. И даже не тошнота, заставляющая задуматься о смысле жизни прямо над унитазом.

Самое худшее – это провалы в памяти.

Помню, как ехал в такси до базы. Помню, как открыл новую бутылку коньяка, просто чтобы «снять стресс от перелета». Помню, как водитель смотрел на меня в зеркало заднего вида с явным осуждением. Мол, еще один алкаш едет топить горе в алкоголе.

Он был абсолютно прав.

Дальше – обрывки.

Яркие гирлянды курорта «Хрустальный пик». Девушка на ресепшене с идеальной улыбкой, которая постепенно стала натянутой. Моя попытка флиртовать (боже, надеюсь, это был именно флирт, а не что-то более унижительное). Ключ-карта в моей руке. Еще один глоток коньяка прямо из бутылки. Косые взгляды других отдыхающих.

А потом... тьма. Полный провал. Как будто кто-то взял и вырезал кусок пленки из фильма моей жизни.

Следующее, что я помню, это постель. Мягкая, теплая, божественная постель. Я просто рухнул на нее лицом вниз, даже не сняв кроссовки. Не раздеваясь. Просто упал и отключился, как боксер после нокаута.

Сколько я проспал? Хрен его знает. Несколько часов? Целую вечность? В такие моменты время теряет всякий смысл.

Проснулся от того, что мне было жарко. Как будто я оказался в сауне и застрял там навечно. Пот стекал по вискам, футболка прилипла к телу противной мокрой тряпкой. Дышать было тяжело, воздух казался густым и плотным.

С трудом открыл глаза. В голове гудело, как будто внутри черепа проходил рок-концерт. Во рту пересохло так, что язык прилип к небу. Желудок неприятно сжался в тугой комок.

Где я?

Огляделся. Спальня. Двухспальная кровать, деревянные балки на потолке. Панорамное окно, за которым бушевала метель. Уютно. Дорого.

Ах да. Шале. Я в шале. В том самом «Хрустальном пике», куда я собирался привезти Аллу. Где я планировал сделать ей предложение. Где мы должны были встретить Новый год. Вместе.

К горлу подступила горечь, смешиваясь с привкусом влитого коньяка.

Алла. Игорян. Кольцо за триста тысяч. Разбитые мечты и все такое прочее. Отлично, Вася. Просто замечательное начало отпуска. Лежишь тут один, пьяный, вонючий, жалкий.

Нужно было что-то делать. Хотя бы умыться. Или выпить воды, литров пять, не меньше. Судя по ощущениям, я мог бы выпить целое озеро и все равно умирал бы от жажды.

С трудом сел на кровати. Голова кружилась так сильно, что пришлось ухватиться за край матраса. Подождал, пока мир перестанет вращаться, и медленно встал. Ноги подкашивались, как после недельного запоя.

Зачем ты так, Васенька? Ты же умный мужик. Взрослый. Тридцать два года. А ведешь себя как первокурсник после первой пьянки.

Стянул с себя футболку, швырнул ее в угол. Джинсы расстегнул, но снимать не стал, слишком много усилий. Окинул себя критическим взглядом. Ничего особенного. Обычный мужик. Чуть выше среднего роста.

Широкие плечи – спасибо тренажерному залу и хорошей генетике. Живот более-менее плоский, хотя последние три дня явно не способствовали поддержанию спортивной формы.

Короче, нормальный мужик. Если не считать похмельного вида, красных глаз и запаха перегара, небритой рожи и растрепанных волос.

Тут до меня дошло, что в комнате ужасно жарко. Не просто тепло, а именно жарко, как будто батареи работали на полную мощность, а окна были наглухо закрыты. Может, здесь где-то есть термостат? Климат-контроль?

Огляделся по сторонам. На стене висела какая-то панель с кнопками. Подошел ближе, попытался разобраться в иероглифах управления. «Температура», «Влажность», «Режим». Черт, а где тут просто кнопка: «Выключить этот ад»?

Нажал на кнопки наугад. Ничего не изменилось. Жара не спадала. Даже наоборот, стало еще душнее.

Ладно, забудь. Пойду умоюсь, а там видно будет.

Дверь в ванную была рядом. Толкнул ее, вошел внутрь и замер, пораженный. Это... это не ванная. Это храм гигиены. Огромная ванна, отдельная душевая кабина размером с небольшую комнату, двойная раковина, зеркала в полстены, куча полочек с дорогой косметикой.

Алла бы оценила. Она всегда любила такие вещи: спа-процедуры, пену для ванн, ароматические свечи и прочую женскую ерунду.

Стоп. Не думать об Алле. Она в прошлом. Забыть. Выбросить из головы. Двигаться дальше.

Подошел к раковине, включил холодную воду и с наслаждением подставил лицо под струю. Вода была обжигающе холодной, бодрящей, отрезвляющей. Умылся долго и тщательно, смывая с себя пот, грязь и остатки безумия.

Потом набрал полную пригоршню воды и выпил прямо из ладоней. Потом еще. И еще. Кажется, я выпил литра два, прежде чем жажда немного утихла.

Поднял голову, посмотрел на свое отражение в зеркале. Боже, я выглядел ужасно. Волосы торчали во все стороны, глаза покраснели, щетина уже почти превратилась в бороду. На лице отпечатки подушки.

Красавчик. Секс-символ. Мечта любой женщины.

Усмехнулся сам себе. Ну ничего, Вася. Через пару дней придешь в себя, отоспишься и будешь как огурчик. А пока переживи это похмелье. Как-нибудь.

Вышел из ванной. В спальне по-прежнему было невыносимо душно. Нужен был свежий воздух. Срочно. Иначе я просто задохнусь здесь.

Решил пройтись по шале, проветрить голову, разобраться, где что находится. И главное – найти эту чертову батарею или кондиционер, из-за которых моя спальня превратилась в финскую сауну.

Вышел в коридор, надо же, я даже как-то поднялся на второй этаж. Мягкий свет настенных бра приятно щадил глаза после яркой ванной комнаты. Коридор был небольшим, с двумя дверьми, не включая дверь в мою спальню. Лестница вниз, все выглядело дорого и стильно. Темное дерево, светлые стены, какие-то картины с горными пейзажами.

Оглядываясь по сторонам, шел вперед, в голове все еще стоял шум, во рту сушило и...

БАХ!

Врезался во что-то мягкое, теплое и... визжащее.

Мозг с трудом обрабатывал информацию. Передо мной стояло... существо? Человек? С мокрыми волосами, в полотенце, с обалдевшим взглядом.

Женщина. Молодая. С огромными глазами цвета... хрен его знает какого. Зеленого? Голубого? Сейчас они были просто ОГРОМНЫЕ от шока.

Две секунды мы просто стояли, как два оленя в свете фар, и смотрели друг на друга. И тут полотенце, которым она была обернута... поползло вниз.

Все происходило как в замедленной съемке. Узелок на груди развязался. Ткань медленно, мучительно медленно сползала по ее телу. Она попыталась схватить ее, но не успела.

И вот оно шлепнулось к ногам, оставив ее передо мной совершенно обнаженной.

Мой пьяный, затуманенный похмельем мозг на секунду вообще отключился. Просто взял и выключился, как перегоревшая лампочка. Я стоял, хлопал глазами и пытался понять: это происходит на самом деле или мне совсем плохо?

Девушка. Голая. В моем шале. Прямо передо мной.

У нее была... хорошая фигура. Нет, не просто хорошая – офигенная. Стройная, с изгибами во всех нужных местах, светлая кожа, длинные ноги...

Стоп. СТОП, ВАСИЛИЙ! Не пялься, идиот!

Но было уже поздно. Она увидела, что я смотрю. И издала вопль, от которого, наверное, все окна в радиусе километра дали трещину.

– АААААААА!

Звук был такой мощный, что у меня заложило уши. Голова, и без того раскальвающаяся с похмелья, взорвалась новой волной боли. Я зажмурился и схватился за виски.

– Черт возьми! – выругался я вполголоса.

Она уже схватила с пола полотенце, прижала его к себе и помчалась по коридору, продолжая визжать как сирена. Хлопнула дверь одной из спален. Щелкнул замок.

А я так и остался стоять посреди коридора, как полный придурок, с открытым ртом, пытаюсь осмыслить произошедшее. Мой план уже начал работать? Именно тот, в котором я должен пуститься во все тяжкие?

Ого, не думал, что он так сразу начнет осуществляться.

Глава 5

Девушка? В моем шале? Голая? Только что я видел голую незнакомую девушку. Которая явно не была готова к встрече со мной.

Значит...

Да ладно. Нет, нет, так бывает только в кино. Это не мое шале или мое? Так, теперь осталось, как в советском фильме, встретить Новый год с какой-нибудь Надей из Ленинграда.

Думай, Вася, думай, тебе голова дана не только коньяк в глотку вливать. Вспомнил, как пьяным прилетел на курорт. Как ругался с девушкой на ресепшене. Как она пыталась мне что-то объяснить, а я просто махнул рукой, выхватил ключ и пошел искать свой домик.

Кажется, седьмой? Или семнадцатый? А может, вообще двадцать седьмой?

Блядь. ДА БЛЯДЬ!

Скорее всего, я вломился не в то шале. Просто взял и заселился в чужой домик, потому что был слишком пьян, чтобы прочитать цифры на табличке. А теперь здесь оказалась законная жительница. Которая, судя по всему, принимала ванну.

И вышла голая, расслабленная, счастливая. А тут я. Пьяный мужик в расстегнутых джинсах, от которого разит перегаром.

Охренеть просто! Вася, ты герой!

Медленно провел ладонью по лицу. Голова раскальвалась, желудок скрутило. В горле снова пересохло. И ко всему этому добавилось новое чувство – стыд. Я редко его испытываю, но сейчас это именно тот случай, когда для него пришло время.

Нужно было что-то делать. Извиниться. Объяснить. Уйти в другое шале. Шагнул к двери, за которой она заперлась, открыл рот, чтобы что-то сказать...

И в этот момент везде одновременно погас свет. Абсолютно везде. Сразу. Как будто кто-то щелкнул гигантским выключателем. Коридор погрузился во тьму. Лишь слабый лунный свет проникал в окна, отбрасывая причудливые тени на стены.

– Ты что, серьезно? – пробормотал в пустоту. – Именно сейчас, да?

Сначала голая девица, теперь отключение света. Может, еще землетрясение случится? Или метеорит упадет для полного комплекта? Нет, лавина, должна быть снежная лавина, я в горах.

За дверью раздался испуганный вскрик. Девушка явно испугалась еще больше. Наверное, подумала, что я специально выключил свет, чтобы напасть на нее, я же маньяк. Сто процентов – она именно так обо мне и подумала.

Нужно было действовать, не мог я просто стоять здесь в темноте. К тому же, если не включить свет, в шале скоро станет холодно. А я не хотел замерзнуть насмерть в первый же день отпуска, пусть и с голой красоткой.

Спустился по лестнице на ощупь, держась за перила. Темнота была почти полной, даже лунный свет не проникал через большие окна гостиной, за окном бушевала метель. И она, судя по всему, усилилась, снег яростно бил в стекла.

Прошел мимо камина в гостиной, нужно было найти фонарик или хотя бы свечи. Пошарил на кухне, наугад выдвигая ящики. В третьем нашел фонарик, старый, тяжелый, явно из тех времен, когда их делали из металла, а не из китайского пластика.

Нажал на кнопку. Тусклый желтый луч пробился сквозь темноту. Батарейки почти сели, но это лучше, чем ничего. Могли бы что-то приличное положить за такую цену, которую я отвалил за этот курорт.

Теперь нужно было разобраться с электричеством. Щиток, скорее всего, где-то снаружи. Или в подсобке. В таких шале всегда есть техническое помещение.

Огляделся: кухня, гостиная, лестница наверх. А дальше... коридор, ведущий куда-то вглубь домика. Пошел туда, держа фонарик перед собой. Коридор привел к небольшой двери, толкнул, она поддалась.

Это было техническое помещение. Маленькое, с кучей всякого хлама: лыжи, коньки, ящики с инструментами. Корзина с какими-то тряпками и... одноразовыми тапочками? Взял их, нужно было хоть что-то на ноги надеть. Нашел еще одну дверь, судя по всему, выход на задний двор.

Надел тапочки, они оказались дешевые, тонкие, из какого-то синтетического материала. Но выходить на мороз босиком я точно не собирался.

Толкнул заднюю дверь, она со скрипом открылась. Холод ударил в лицо с такой силой, что я невольно отшатнулся. Метель разыгралась вовсю, снег летел горизонтально, ветер выл, как стая голодных волков.

– Ни хрена себе, – выдохнул, глядя на снежную бурю.

Но отступать было поздно. Нужно было понять, что случилось со светом. Может, пробки выбило. Или электричество отключилось на всем курорте?

Шагнул за порог, снег тут же залепил лицо, ветер чуть не сбил с ног. Я прищурился и направил фонарик вперед. Луч света едва пробивался сквозь снежную завесу. Господи, надо было хоть что-то накинуть на себя, а не в одних джинсах и тапочках выходить на улицу.

Огляделся, пытаясь привыкнуть к темноте. И тут заметил, что темно везде. Не только в шале. Везде. Все соседние домики погружены во тьму. На склонах не видно огней подъемника. Даже главное здание курорта, которое должно было светиться гирляндами, стояло темным силуэтом на фоне метели.

На всей территории отключилось электричество.

– Ну офигенно просто, – пробормотал, поворачиваясь к двери.

И тут порыв ветра ударил с такой силой, что дверь вырвалась у меня из рук и...

ХЛОП!

Захлопнулась. Резко. Громко. Окончательно.

Застыл на месте, все еще держа фонарик в руке и глядя на закрытую дверь. Секунду я просто стоял, надеясь, что это какая-то ошибка. Что дверь сейчас откроется сама. Что это какой-то дурацкий сон.

Затем медленно протянул руку, попытался повернуть ручку.

Заперта.

Потянул сильнее. Ручка не поддавалась. Обычный механический замок – защелкнулся, когда дверь захлопнулась.

– Нет, – сказал вслух. – Нет-нет-нет, только не это.

Потянул еще раз. Потом еще. Потом ударил в дверь кулаком, хотя прекрасно понимал, что это бесполезно. Дверь была заперта. Изнутри. А я остался на улице.

В расстегнутых джинсах. С голым торсом. В одноразовых тапочках. Посреди метели. Без ключей. Без телефона. Без мозгов. При минус хрен знает скольких градусах.

Я стоял во дворе под снегопадом и постепенно осознавал масштабы катастрофы. Знаете, что самое смешное? Еще вчера моей главной проблемой была измена девушки. Разбитое сердце. Три дня пьянки.

А теперь я стоял под дверью чужого шале, почти голый, замерзающий, и единственной моей мыслью было: «Как, блин, не замерзнуть насмерть в ближайшие полчаса?»

Ветер хлестал по обнаженной коже. Снег прилипал к волосам, плечам, забивался в лицо. Одноразовые тапочки уже промокли насквозь – я чувствовал, как ледяная вода просачивается внутрь. Пальцы на ногах начали неметь, по груди побежали мурашки.

Нужно было двигаться. Срочно. Иначе я действительно замерзну здесь к чертям собачьим. Обойти шале, войти в него с главного входа, там-то точно электронный замок, который

сейчас не работает. С голой девицей разберусь потом, моя цель была выжить в ближайшие десять минут.

Направил фонарик в сторону, ища тропинку, но все было замечено снегом по колено. Луч света дрожал в моей руке, руки тряслись то ли от холода, то ли от злости на самого себя.

Но что интересно, несмотря на весь этот пиздец – похмелье, голую девицу, отключенное электричество, захлопнувшуюся дверь, мороз и метель – где-то в глубине души я подумал: «Ну, по крайней мере, первый день отпуска не был скучным».

И это был какой-то знак. Хороший знак. Потому что, если в первый же день я столкнулся с сексуальной незнакомкой, значит, эти каникулы будут... интересными.

Очень интересными. Осталось только не замерзнуть насмерть и как-то дожить до утра. В общем-то, мелочи.

Стиснув зубы, чтобы они не стучали от холода, я шагнул в сугроб и большими шагами начал двигаться вдоль стены.

Глава 6

Тьма навалилась как тяжелое одеяло. Густая, непроницаемая, враждебная. Я стояла посреди спальни, сжимая в руке фен, и пыталась не паниковать. Получалось плохо.

Он выключил свет. Это он. Специально. Чтобы напасть в темноте. Господи, господи, как жить, кругом одни извращенцы!

Сердце колотилось так громко, что казалось, его стук разносится по всему шале. Глаза постепенно привыкали к темноте. Фен. Я посмотрела на фен в своей руке, орудие для самообороны сомнительное. Да, он тяжелый. Да, им можно ударить по голове. Но он черный, и в темноте я его даже не увижу, когда буду замахиваться. К тому же шнур путается под ногами.

Нужно что-то другое. Что-то более... основательное и ...

Взгляд упал на комод у окна. Там едва я смогла различить силуэт статуэтки – оленя с ветвистыми рогами. Новогоднее украшение, я видела его, когда заселялась, и еще подумала: какой милый парнокопытный.

Сейчас он не казался милым. Он казался тяжелым.

Бросила фен на кровать, на цыпочках подкралась к комоду. Схватила оленя обеими руками. Тяжелый, килограмма на два. Бронзовый или латунный, с острыми рогами и массивным основанием.

Идеально. Теперь у меня есть рождественский олень. Санта бы гордился, потом дам ему имя.

Телефон. Точно, нужен телефон. Даже если он разрядился, вдруг он высохнет и включится? Вдруг там есть хоть какая-то связь? Вдруг я смогу вызвать помощь?

Прижав оленя к груди, я прокралась обратно в ванную. Там было еще темнее, свечи, которые я зажгла для создания романтической атмосферы, давно погасли.

Романтическая атмосфера. Ха. Единственный мужчина, который видел меня голой за последний год, это маньяк из коридора. Прекрасно.

Нашла телефон, нажала кнопку включения. Пожалуйста, ну хоть сейчас включись. Ничего. Еще раз. Экран мигнул. Засветился! На секунду я почувствовала такое облегчение, что чуть не расплакалась.

А потом увидела надпись: «Нет сети». Конечно. Конечно же, нет сети. Мы в горах, посреди метели, на всем курорте отключилось электричество, откуда тут взяться связи?

«Хрустальный пик» – место, где ваши кошмары становятся реальностью, а реальность – кошмаром. Добро пожаловать!

Попробовала набрать 112. «Экстренный вызов недоступен». Даже спасатели меня бросили. Замечательно. Просто замечательно. Ладно. План Б. Какой там был план Б? А, точно – не умереть.

Сунула телефон в карман халата. В одной руке бронзовый олень, в другой пустота и отчаяние. С таким арсеналом можно идти на войну. Вернулась в спальню. Прислушалась.

За дверью было тихо. Подозрительно тихо. Ни шагов, ни дыхания, ни скрипа половиц. Только вой ветра за окном и стук снега в стекла.

Может, он ушел? Может, испугался моего визга и сбежал? Может, мне все это приснилось?

Хотя какой там сон, я отчетливо помнила его лицо. Темные глаза, щетина, растрепанные волосы. Голый торс с мускулами. Расстегнутые джинсы.

Фу!

Стоп. Почему я запомнила его мускулы? Seriously, Аврора? Тебя чуть не изнасиловали, а ты разглядывала его пресс?

В свою защиту скажу: он был прямо передо мной. Сложно было не заметить. *Это не оправдание, и ты это знаешь.*

Ладно, хватит. Нужно действовать. Сидеть в темной комнате и ждать – не вариант. Если он все еще здесь, лучше узнать об этом сейчас. Если ушел, нужно забаррикадировать дверь. Или найти другое оружие. Или сбежать к соседям. Или...

Или перестать строить планы и просто выйти.

Глубоко вдохнула. Медленно повернула ручку. Приоткрыла дверь на щелочку и выглянула в коридор. Пусто. Темно. Я босиком ступила на деревянный пол, он был холодный. Ледяной, если честно. Без отопления шале быстро остывало.

Влажные волосы прилипли к шее, с них капала вода, оставляя на полу темные пятна. Халат, хоть и махровый, не особо согревал. Я дрожала то ли от холода, то ли от страха, то ли от всего сразу.

Пошла по коридору, прижимая оленя к груди. Каждый шаг давался мне с трудом, пол скрипел, и мне казалось, что этот звук разносится по всему дому, выдавая мое местоположение.

«Внимание, внимание! Жертва покинула укрытие и направляется к лестнице! Всем маньякам приготовиться!»

Иногда я ненавижу свой внутренний голос.

Добралась до лестницы. Прислушалась. Тишина. Только вьюга за окном выла все сильнее, швыряя снег в стекла с яростью обиженного ребенка.

Начала спускаться, держась одной рукой за перила. Ступеньки предательски громко скрипели в этой мертвой тишине. Я замирала после каждого звука, ожидая, что из темноты выскочит он.

Но никто не выскочил.

Может, мне правда показалось? Галлюцинации от вина? Стресс? Переутомление?

Хотя какое там вино, после такого выброса адреналина я была трезвее монашки на воскресной службе. Алкоголь выветрился из организма за секунду, оставив после себя лишь ясность ума и животный ужас.

Спустилась на первый этаж, прошла через гостиную на кухню, держа оленя наготове. Готовая ударить при первом же шорохе. Кухня была пуста. На столе стояла открытая бутылка вина, рядом тарелка с остатками сыра. Все так, как я оставила. Никаких следов незваного гостя.

Может, позвать его?

Открыла рот и тут же закрыла. Нет, звать не стоит. Какая нормальная жертва станет звать своего потенциального насильника?

«Эй, мужик! Ты где? Выходи, я тебя оленем по башке огрею!»

Нет. Определенно нет. Это даже звучит глупо.

Вернулась в гостиную. Огляделась. Диван, кресла, журнальный столик, камин... и огромное панорамное окно, за которым бушевала метель. Подошла к окну, пытаюсь разглядеть что-нибудь снаружи. Может, он выбежал на улицу? Может, сейчас бредет по снегу к соседнему шале? Может...

Прислонилась ближе к стеклу, вглядываясь в темноту. И в этот момент прямо перед моим лицом возникло ЭТО. Лицо. Мужское лицо. По ту сторону стекла.

Искаженное, облепленное снегом, с безумными глазами и открытым ртом. Он колотил кулаками в окно и что-то кричал – я не слышала слов, но видела, как яростно двигаются его губы.

Голый торс, весь в снегу. Волосы, покрытые инеем. Он был похож на йети. На снежного человека из детских кошмаров. Весь белый, дрожащий, с красными от холода глазами.

Мой мозг отключился.

Просто взял и выключился, как перегоревшая лампочка. Слишком много ужасов за один вечер. Задержка рейса, орущий младенец, храпящий мужик с одеколоном. Потом голый незна-

комец в коридоре. Потом утопленный телефон. Потом падение в ванну. Потом отключение света. А теперь вот это – снежный человек за окном, который барабанит по стеклу и чего-то требует.

Я завизжала.

Отшатнулась назад, споткнулась о край ковра и со всего размаху шлепнулась на задницу. Халат, естественно, распахнулся, потому что в моей жизни не бывает ни одного момента без дополнительного унижения. Дрожащими руками запахнула его обратно.

Телефон выпал из кармана и улетел куда-то под диван. Олень выскользнул из рук, ударился об пол и откатился в сторону. Я сидела на полу в распахнутом халате, безоружная, а за окном стоял этот... этот... и продолжал стучать в стекло.

Он показывал куда-то в сторону. На дверь? Он хочет, чтобы я открыла дверь?

Ни за что. НИ ЗА ЧТО.

Мозг медленно, со скрипом, снова начал работать, перебирая варианты. Открыть дверь – это плохая идея, потому что он может оказаться маньяком, насильником, убийцей или всем сразу. Не открывать дверь – тоже плохая идея, потому что тогда он замерзнет насмерть прямо у меня под окнами, а мне потом с этим жить. Хотя если он маньяк, то, может, и не жить: вдруг он выбьет окно и все равно до меня доберется.

Мужик продолжал кричать что-то неразборчивое и тыкать пальцем в сторону входной двери. Губы у него были уже не синими, а какими-то фиолетовыми, и он так сильно трясся, что казалось, вот-вот развалится на части.

Ладно, Аврора, давай рассуждать логически. Если бы он хотел тебя убить, он бы уже выбил это чертово окно. Стекло, конечно, толстое, но не бронированное. А он стоит там и просит впустить его. Маньяки так не делают. Маньяки не просят разрешения.

С другой стороны, откуда мне знать, как ведут себя маньяки? Может, это новая тактика – притвориться жертвой, вызвать жалость, а потом, когда его впустят...

Медленно поднялась с пола, подобрала оленя, он откатился к дивану, но, слава богу, не разбился, бронза есть бронза, пошла к входной двери. Ноги не слушались, каждый шаг давался с трудом, внутренний голос осыпал меня всеми возможными ругательствами, но я продолжала идти.

Остановилась у двери. Рука легла на ручку. Холодный металл обжег ладонь.

Последний шанс передумать, Аврора. Ты можешь просто не открывать. Вернуться в спальню, забаррикадироваться и дожидаться утра. К утру он либо уйдет, либо...

Либо замерзнет насмерть. И я буду знать, что могла это предотвратить.

Глубоко вдохнула, крепче сжала оленя и рывком распахнула дверь. В прихожую тут же ворвался ветер, швырнув мне в лицо снег. Холод обжег кожу сквозь халат. Я отскочила в сторону, прижалась спиной к стене и выставила оленя перед собой как щит.

– Ты совсем, овца тупая?! Или глухая?! – мужик ввалился в гостиную, похожий на сугроб, и хрипло кричал: – Курица безмозглая!

Что? Это он мне? Это я курица?

Глава 7

Что может быть хуже, чем замерзнуть насмерть посреди метели в одних джинсах и одноразовых тапочках? Замерзнуть насмерть, зная, что за дверью сидит тупая курица, которая не соизволила открыть сразу!

Я стоял под этим проклятым окном, бил кулаками по стеклу и орал как ненормальный. Пальцы уже ничего не чувствовали, словно это были просто куски мяса, которыми я колотил по панорамному окну. Снег залеплял глаза, забивался в рот, в нос – везде. Ветер хлестал по голой спине так, будто природа решила наказать меня за все грехи разом.

А она стояла там, внутри, в теплом халатике, *и просто смотрела на меня.*

Как на экспонат в зоопарке. Как на какого-нибудь моржа, который выпрыгнул из проруби и теперь хлопает ластами по стеклу аквариума. Привет, детишки, я – морж Вася, и я сейчас сдохну от переохлаждения, а эта дура в халате и с рождественским оленем в руках...

Стоп. Олень? У нее в руках был олень? Бронзовый? С рогами, похожий на оружие из какого-нибудь хоррора про сумасшедших коллекционеров рождественских статуэток.

Охренеть.

Она собиралась защищаться от меня оленем. От меня, который еле стоял на ногах от холода и чьи яйца, простите за подробности, уже начали превращаться в ледяные шарики для виски.

Я показывал на дверь, орал, махал руками. Делал все, чтобы объяснить этой идиотке, что мне нужно внутрь. Сейчас! Немедленно! Пока я не превратился в сосульку, которую утром найдут местные спасатели и будут потом показывать туристам как достопримечательность: «А вот здесь, дамы и господа, замерз знаменитый московский идиот, который напился и вышел на мороз полуголым».

Секунды тянулись как часы. Как дни. Как вечность.

И наконец – наконец-то, блядь! – она пошла к двери. Медленно, осторожно, как будто там, за дверью, стоял не замерзающий человек, а какой-нибудь зомби из апокалипсиса.

Щелчок замка показался мне самым прекрасным звуком на свете. Я вообще не понимал, как он мог оставаться закрытым, если был электронным и работал от сети. Да, звук был прекраснее симфоний Бетховена. Прекраснее стонов Аллы в постели. Прекраснее всего, что я слышал за свои тридцать два года жизни.

Дверь открылась, я буквально ввалился внутрь. Ворвался, влетел. Не знаю, какой глагол подходит лучше, мое тело просто устремилось в тепло, как ракета на старте, не спрашивая разрешения у мозга.

Девушка отскочила к стене, прижимая к груди оленя. В глазах ужас пополам с праведным гневом. Халат распахнулся на груди, но ей, похоже, было все равно. Волосы мокрые, свисают сосульками. Вся дрожит то ли от страха, то ли от холода, который я принес с собой.

А я... Я стоял среди прихожей, весь в снегу, тряся, как эпилептик, и пытался вспомнить, как разговаривать. Зубы стучали так громко, что я сам себя не слышал.

– Т-т-ты совсем, т-т-тупая овца?! – выдавил сквозь стук зубов. – Или г-глухая?! Б-без-мозглая курица!

Да, я знаю. Не самое галантное приветствие. Не то, что пишут в учебниках по этикету. Но, простите, я чуть не умер от переохлаждения, пока эта дура решала, открывать мне или нет. Пока она там, в тепле, разглядывала меня через окно, как какую-то музейную витрину.

– Что? Я... Я... – она пыталась что-то сказать, но слова застревали у нее в горле.

– Что – ты?! – рявкнул, сам удивился, сколько злости было в этом хрипе. – Какого хрена ты сразу не открыла?! Я там чуть не сдох! Ты это понимаешь?! С-сдох!

Она попятилась еще дальше, прижимаясь к стене. Олень в ее руках угрожающе качнулся в мою сторону. Типа предупреждение. Типа: сделаешь еще шаг, и я проломлю тебе башку этими рогами. Было бы смешно, если бы я не чувствовал, как мои внутренние органы медленно превращаются в лед.

– Тепло, мне нужно тепло!

Она молча указала оленем куда-то в сторону гостиной. Там, в глубине комнаты, виднелся силуэт камина. Большого, красивого, с кучей дров рядом. И абсолютно, блядь, холодного.

Рванул туда, оставляя за собой мокрые следы и комья снега. Ноги не слушались, колени подгибались. Дрожь сотрясала все тело такими волнами, что казалось, я вот-вот развалюсь на части.

– Стой! – раздался голос за спиной. – Ты вообще кто такой?! Что ты делаешь в моем шале?! И с какого перепуга я курица и овца?

Резко обернулся. Она стояла в дверном проеме, все еще сжимая оленя, смотрела на меня так, словно я был тараканом, вылезшим из-под плинтуса в самый неподходящий момент.

– Твоем шале? – переспросил, в голосе прозвучала истерика. – ТВОЕМ?! Это МОЕ шале, дорогуша! Я заплатил за него кучу денег! Это я должен спрашивать, какого хрена ТЫ здесь делаешь!

– Это мое шале! – она взвизгнула так пронзительно, что у меня заложило уши. – У меня есть ключ-карта! И бронь! Номер семь!

Номер семь.

Черт.

Я вспомнил, как пьяным получал ключ на ресепшене. Как девушка пыталась мне что-то объяснить, а я отмахивался. Как шел по территории курорта, считая домики... Или не считая? Может, я просто ввалился в первый попавшийся?

Да какая, к черту, разница сейчас?! Я умираю от холода!

– Разберемся потом! – отрезал, падая на колени перед камином. – Сейчас мне нужно не сдохнуть, понимаешь?! Потом будем выяснять, чье это шале, кто куда заселился и кто кому должен!

Руки не слушались. Пальцы онемели настолько, что я едва мог их согнуть. Схватил полено – оно выскользнуло и упало на пол. Попробовал снова. Опять уронил.

– Твою мать! – ударил кулаком по каминной решетке, и боль на секунду отрезвила меня. – Твою же мать!

Рядом с камином стояла бутылка с жидкостью для розжига. Схватил ее, сорвал крышку зубами, руки были бесполезны, начал поливать дрова. Щедро. Очень щедро. Наверное, слишком щедро, но мне было все равно. Мне нужен был огонь. Сейчас. Немедленно.

– Эй, – голос девушки донесся откуда-то сбоку. – Может, не стоит столько лить...

– Заткнись! – огрызнулся, шаря по карманам. Зажигалка. Где моя зажигалка? Я всегда ношу ее с собой, хотя уже три года не курю. Привычка. Нашел! Слава богу, нашел!

Чиркнул колесиком. Искра. Еще раз. На кончике фитиля вспыхнул маленький язычок пламени.

Я поднес зажигалку к дровам.

ВУ-У-У-УХ!

Пламя взметнулось вверх с такой силой, что я отлетел назад и упал на задницу. Огонь вырвался из камина, как взбесившийся дракон, лизнул каминную полку, опалил мне брови и только потом успокоился, довольно урча.

– А-А-А-А! – визг девушки прорезал воздух, как сирена воздушной тревоги.

Обернулся как раз вовремя, чтобы увидеть, как она бежит к лестнице.

– Куда?! – заорал я ей вслед. – Эй! СТОЙ!

Она не остановилась. Ее ноги мелькнули на лестнице, и через секунду на втором этаже хлопнула дверь.

– Черт возьми... – попытался встать, но ноги подкосились, снова рухнул на пол. – Коньяк! Мне нужен коньяк! Он у меня в сумке! В комнате наверху! Эй, курица!

В ответ – тишина. Только потрескивание огня в камине и завывание ветра за окном.

– Эй! Ты меня слышишь?! – приподнялся на локтях, пытаюсь прокричать достаточно громко, чтобы она услышала меня через закрытую дверь. – Принеси коньяк! В моей сумке, в спальне справа! Там еще полбутылки осталось!

Ничего. Ни звука. Ни шороха. Даже вежливого «пошел на хрен» не последовало.

– Курица! – заорал я изо всех сил, и эхо моего голоса отразилось от высоких потолков. – Курица безмозглая! Тебе русским языком говорят – **КОНЬЯК ПРИНЕСИ!**

Подполз ближе к камину. Огонь уже горел ровно, весело потрескивая поленьями. Тепло начало медленно проникать в мое окоченевшее тело. Пальцы покалывало, как будто в них вонзились тысячи иголок, это возвращалось кровообращение. Больно, блядь. Очень больно. Но хотя бы не умру.

Откинулся на спину прямо на полу, раскинув руки. Потолок надо мной был красивым – темные деревянные балки, как в каком-нибудь швейцарском шале из журнала о дорогом отдыхе. Интересно, сколько стоит такой потолок? И почему я думаю о потолке, когда только что чуть не замерз насмерть?

Наверное, это шок. Или начальная стадия гипотермии. Или просто мой мозг, уставший от всего этого пиздеца, решил переключиться на что-то нейтральное.

Алла бы сейчас посмеялась. Представляю ее голос: «Вася, ты опять вляпался? Как ты вообще умудряешься находить приключения на свою задницу?»

Алла.

Стоп. Не думать об Алле. Она – прошлое. Она – предательница. Она – та, кто трахалась с моим лучшим другом на его диване, пока я репетировал перед зеркалом речь о том, как сильно я ее люблю.

Закрыв глаза и глубоко вздохнул. Огонь грел лицо, и это ощущение было почти блаженным после того ледяного ада снаружи.

Итак, подведем итоги первого дня отпуска, Василий Васильевич.

Пункт первый: ты напился так, что не помнишь, как добрался до курорта.

Пункт второй: произошла какая-то путаница с заселением.

Пункт третий: ты напугал до полусмерти какую-то девицу, увидев ее голой.

Пункт четвертый: ты чуть не замерз насмерть.

Пункт пятый: ты чуть не спалил шале, когда разжигал камин.

Пункт шестой: та самая девица теперь заперлась от тебя наверху и не несет тебе коньяк, хотя ты очень вежливо попросил.

Вежливо, Вася? Серьезно? Ты назвал ее курицей и овцой. Ну ладно, не очень вежливо. Но я же замерз! Имею право на эмоции!

Сел, потирая лицо руками. Брови щипало в тех местах, где их опалило пламенем. Надеюсь, я не похож на клоуна с выжженными бровями. Хотя какая разница, единственная свидетельница моего позора заперлась наверху с оленем.

Кстати об олене. Она реально собиралась отбиваться от меня рождественским оленем. Это было бы даже мило, если бы не было так глупо.

Посмотрел на лестницу. Темно. Тихо. Никаких признаков жизни. Может, мне стоит подняться? Постучать в дверь? Извиниться за то, что назвал ее курицей и овцой? Спокойно объяснить ситуацию, как взрослый человек?

Или...

Или я могу просто полежать здесь, у камина, и подождать, пока она сама спустится. Рано или поздно ей станет холодно. Или голодно, и тогда ей придется выйти из своего убежища и встретиться со мной лицом к лицу.

Второй вариант нравился мне больше. Меньше усилий, меньше унижений. Просто лежишь, греешься и ждешь.

Тем более что мне действительно нужно было отдохнуть. После всего, что случилось за последние три дня – Алла, Игорь, пьянка, перелет, голая девица, метель, холод, почти пожар. Мой организм был на пределе. Глаза закрывались сами собой. Тепло от камина обволакивало, убаюкивало...

Нет. Нельзя засыпать. Не сейчас. Не здесь, на полу, полуголым, пока наверху сидит потенциальная психопатка с рогатым оленем. С трудом поднялся на ноги. Пошатнулся, но устоял. Огляделся по сторонам. На кухонном столе стояла наполовину пустая бутылка вина, рядом тарелка с сыром.

Отлично. Хоть что-то.

Подошел к столу, схватил бутылку, сделал большой глоток прямо из горлышка. Вино было хорошим, терпким, насыщенным, явно дорогим. Не мое, конечно, но кого это волнует? После того, как я чуть не замерз насмерть из-за этой курицы, я имею полное право на компенсацию.

Еще глоток. И еще.

Тепло разлилось по телу изнутри, догоняя тепло от камина снаружи. Стало немного легче. Дрожь отступила. Мысли начали проясняться.

Ладно, Вася. Думай. Что у нас есть?

Шале. Которое, судя по всему, забронировано дважды. Мной и этой... как там ее... я даже не знаю, как ее зовут. Какая-то молодая, симпатичная, с мокрыми волосами, паникой в глазах и классными титьками.

Симпатичная?

Очень симпатичная, если честно. Особенно голая. СТОП. Не думать об этом. Это неэтично. Некультурно. Непрофессионально. С каких это пор ты стал таким этичным, Вася? С тех пор, как решил перетрахать весь курорт в отместку Алле?

Заткнись, внутренний голос. Тебя никто не спрашивал.

Допил вино, поставил бутылку на стол и посмотрел в сторону лестницы. Наверху по-прежнему было тихо. Может, она уснула? Или забаррикадировалась мебелью? Или сидит в углу, обнимая оленя и молясь, чтобы страшный мужик внизу исчез?

Ладно. Утром разберемся. Утром позвоню на ресепшен, выясню, кто из нас прав, кто виноват и кому придется съезжать. А пока...

Пока мне нужно найти свою одежду. Переодеться во что-нибудь сухое, допить коньяк в целях профилактики простудных заболеваний. И наконец-то выспаться.

Новогодние каникулы в горах с незнакомкой, которая размахивает рождественским оленем и визжит при виде мужской груди?

Думаю, будет весело.

Глава 8

Что может быть ужаснее после того, как вы увидели голого незнакомца в своем шале, утопили телефон, упали в ванну, а потом выпустили снежного человека, который чуть не спалил дом дотла?

Правильно. Осознание того, что этот придурок никуда не денется.

Сажу в своей спальне, прижавшись спиной к двери, и слушаю, как он внизу орет что-то про коньяк. Курица. Овца. Безмозглая.

Спасибо, мужчина, очень приятно. Я тебя тоже люблю. И это твоя благодарность за спасение? Нет, надо перестать быть такой доброй.

Сердце все еще колотится как бешеное, хотя прошло уже минут десять с тех пор, как я заперлась здесь. Рождественский олень все еще в руках, как единственный свидетель позора и единственное оружие против того психа внизу.

Хотя, если честно, он не похож на психа. На алкаша – да. На придурка, который не умеет читать номера на табличках, – определенно. Но на психа-убийцу? Я совсем не разбираюсь в психах, вот в бабниках – да, это мой конек.

Психи-убийцы обычно не орут про коньяк. Они тихо подкрадываются, открывают дверь топором и говорят: «Где ты, малышка?». Этот же просто лежит у камина, греется и надрывается, требуя алкоголь.

Точно алкаш.

Стоп, Аврора. Почему ты вообще анализируешь поведение этого мудака? Да потому что ты заперта здесь, в темной комнате, без телефона, без связи, без электричества, и единственное, что тебе остается, это размышлять о странностях жизни, задавать самой себе вопросы и тут же отвечать на них.

Прислушалась. Внизу стихло. Больше никаких воплей про коньяк и курицу. Может, он отключился? Потерял сознание от переохлаждения? Или просто заснул от усталости? Или сгорел в камине?

А может, он подкрадывается к лестнице прямо сейчас. На цыпочках. С маниакальной улыбкой на лице. Готовый выбить дверь и...

И что? Что он сделает? Изнасилует? Украдет оленя? Захихикала. Нервно. Истерично. Зажала рот ладонью, но смех все равно прорвался – приглушенный, задыхающийся, граничащий с рыданиями. Боже, какого хрена со мной происходит?

Три дня назад моей главной проблемой были Кирилл-козел и рыжая сучка. Я думала, что это худшее, что может со мной случиться. Что ничего хуже уже не будет.

А теперь я заперта в темной спальне горного шале, а внизу на полу лежит полуголый незнакомец, который видел меня без одежды и считает курицей и овцой. Просто великолепно. Просто идеально. Именно так я и планировала провести новогодние каникулы.

Встала, подошла к окну. Метель не утихала. Снег летел горизонтально, ветер выл, деревья гнулись под порывами. Нигде ни огонька – весь курорт погрузился во тьму. Даже главное здание не светилось.

Значит, дело не в этом шале. Отключение электричества общее. На всей территории. Может, упало дерево на линию? Или буря повредила трансформатор? Хрен его знает. Я не электрик.

Главный вопрос был другим: *что мне делать?*

Вариант первый: остаться здесь, в спальне, и ждать утра. Закутаться в одеяла, потому что без электричества шале начнет остывать, и молиться, чтобы этот псих внизу не решил меня убить.

Вариант второй: спуститься вниз и разобраться с ситуацией как взрослый человек. Выяснить, кто из нас прав, кто ошибся при заселении и кому придется съезжать.

Вариант третий: выпрыгнуть в окно, добежать до соседнего шале и попросить там помощи.

Последний вариант был самым идиотским, потому что: а) я на втором этаже, б) снега по колено, в) я в халате и босиком, г) до ближайшего домика метров сто, и я замерзну быстрее, чем туда добегу.

Значит, остается вариант первый. Разумная Аврора говорила: «Останься здесь. Подожди утра. Не рискуй».

И на этот раз я послушалась разумную Аврору. Потому что после Кирилла у меня была очень низкая мотивация разобраться с кем-либо из мужского пола. А уж тем более с полуголым придурком, который орет про курицу и коньяк.

Снова прислушалась к звукам за дверью. Тишина. Значит, он там. Внизу. Один. И я здесь. Наверху. Одна. До утра как-нибудь дотянем.

Сняла влажный халат, бросила его на стул. Босиком подошла к чемодану, который так и стоял в углу нераспакованный. Присела на корточки, начала шарить в темноте, пытаюсь на ощупь найти пижаму.

Руки наткались на свитера, джинсы, белье. Косметичка. Книга. Зарядка от телефона (ирония судьбы). Еще один свитер. И наконец – мягкая фланелевая ткань. Пижамы! Слава богу.

Быстро натянула штаны – теплые, уютные, с каким-то идиотским принтом в виде оленей (опять олени, мать их). Потом футболку с длинным рукавом. Тоже теплую, тоже фланелевую. На груди надпись: «Sleigh all day». Подарок от подружек на прошлое Рождество.

Стало немного теплее. Не сильно, но хотя бы не мокро.

Схватила с кровати одеяло, закуталась в него, как в кокон. Взяла оленя, который все это время лежал на кровати, – молчаливый свидетель моего позора.

– Ну что, дружок? – пробормотала ему. – Похоже, ты пока не пригодился. Но ночь только началась.

Забралась на кровать с оленем в обнимку. Натянула одеяло до самого подбородка. Холодно. Очень холодно, тепло от камина внизу явно сюда не доходило. Зубы стучали. Ноги мерзли даже под одеялом. Прижала к себе оленя крепче, его бронзовый корпус был ледяным, но хоть какая-то компания.

Интересно, как он там? Этот придурок внизу? Тоже замерзает? О, нет, ему тепло у камина. Не думать об этом. Не твоя проблема, Аврора. Закрыла глаза, попыталась расслабиться, но мысли крутились в голове, как белки в колесе.

День был длинным. Очень длинным. Самым длинным в моей жизни.

Задержка рейса. Перелет. Орущий младенец. Храпящий мужик с одеколоном. Приезд на курорт, ванна с вином (самое приятное из списка). Столкновение в коридоре, голый мужчина (кстати, торс у него что надо). Утопленный телефон, падение в ванну, отключение света. Снежный человек за окном (очень даже секси такой человек). Почти пожар (все, занавес, антракт).

И вот я здесь, лежу в темной спальне, прижимая к себе рождественского оленя как последний оплот против безумия. Первый день новогодних каникул. Ура, блядь.

Буду бдить. Не засну. Точно не засну. Нельзя засыпать, когда за дверью незнакомый мужчина. Это небезопасно. Это глупо. Это...

Веки отяжелели. Дыхание замедлилось. Тепло от одеяла медленно окутывало тело, несмотря на общий холод в комнате. Буду... бдить...

Последняя мысль, мелькнувшая перед тем, как я провалилась в сон: а вдруг завтра будет еще хуже?

Сон пришел неожиданно. Накрыл волной, втянул в темноту, а потом...

Тепло.

Я стою в гостиной, той самой, что внизу, камин горит ярко, жарко, языки пламени обли- зывают поленья, бросая оранжевые блики на стены. Жарко, очень жарко, словно внутри печи.

И он здесь.

Мужчина.

Стоит у камина, спиной ко мне. Широкие плечи, темные волосы. Джинсы сидят низко на бедрах – слишком низко. Я хочу отвести взгляд, но не могу, словно прикована.

Он медленно поворачивается, смотрит на меня, глаза блестят в свете огня. Губы изги- баются в усмешке. Той самой, которую я видела, когда он почти улыбнулся... стоп. Я же не видела его улыбки наяву. Откуда я знаю, как он улыбается?

Это сон. Это просто сон, Аврора. Но почему тогда все кажется таким реальным? Он делает шаг ко мне. Медленный. Уверенный. Как хищник, который знает, что жертва никуда не денется.

– Замерзла? – спрашивает, его голос как бархат. Низкий, глубокий, проникающий под кожу.

Киваю. Не могу говорить. Язык не слушается.

– Надо согреться, – произносит он и поднимает руки к своей футболке.

Стоп.

СТОП.

Что он делает?!

Медленно, мучительно медленно цепляет край футболки, тянет вверх. Сантиметр за сан- тиметром открывается его торс, плоский живот, четкий пресс, широкая грудь.

Я смотрю. Не могу оторвать взгляд. Словно загнипнотизирована. Футболка летит в сто- рону, приземляется где-то в темноте. Он стоит передо мной с голым торсом, свет от камина играет на его коже, подчеркивая каждую мышцу, каждый изгиб.

Боже.

БОЖЕ.

Я же видела его полуголым наяву. Почему сейчас это выглядит... по-другому? Потому что это сон. Потому что во снах все не так, как наяву. Все ярче, острее, запретнее.

Мужчина делает еще шаг. Теперь между нами меньше метра. Я чувствую жар от его тела – или от камина? Хрен разберешь. Руки тянутся к ремню джинсов.

НЕТ.

НЕТ-НЕТ-НЕТ.

Это слишком. Это неправильно. Это...

Щелчок пряжки звучит громко в тишине. Металл против металла. Он расстегивает пуго- вицу. Медленно опускает молнию. Звук, казалось бы, такой обыденный, но сейчас он звучит как гром.

– Что ты делаешь? – наконец выдавливаю из себя.

– Согреваюсь, – отвечает с той же проклятой усмешкой. – Разве ты не хочешь согреться, Аврора?

Он произнес мое имя. И от того, как он это сделал – низко, протяжно, почти интимно, – внутри что-то сжимается. Джинсы сползают ниже. Еще ниже. Я вижу... я вижу слишком много.

– Стой, – шепчу. – Пожалуйста...

Но его джинсы падают на пол, он стоит передо мной почти обнаженный. В одних боксе- рах. Мышцы напряжены. Кожа золотится в свете огня, глаза смотрят прямо в душу.

– Иди сюда, – говорит он тихо. – Согреемся вместе.

И протягивает руку, а я смотрю на эту руку, на широкую ладонь, на длинные пальцы. Знаю, что это сон. Знаю, что ничего этого на самом деле не происходит. Что я просто лежу в постели, прижимая к себе оленя, и мой извращенный мозг решил подшутить надо мной после всего пережитого стресса.

Но рука протянута. И он ждет.

И я...

Я делаю шаг вперед, пальцы касаются ладони, кожа горячая, как огонь. Он притягивает меня ближе. Обнимает, прижимает к своей обнаженной груди. Чувствую каждый сантиметр его тела: твердые мышцы, горячую кожу, бешеное сердцебиение.

– Теперь тепло? – шепчет на ухо.

И я...

Проснулась с криком. Точнее, почти с криком – звук застрял в горле, вырвался хриплым всхлипом. Сердце колотилось как бешеное. Все тело горело. Между ног пульсировала неожиданная, неприятная... нет, не неприятная... проклятие, ПРИЯТНАЯ влажность.

Что. Это. Было?!

Глава 9

Солнце светило прямо в глаза, яркое и назойливое. Было жарко, очень жарко. И пить хотелось так, словно я неделю шел по пустыне Сахара без воды.

Открыл глаза, сощурился, моргнул, попытался понять, где я, кто я и что со мной происходит. Голова раскалывалась, во рту был отвратительный привкус – смесь коньяка и винограда. Медленно, очень медленно начал соображать.

Горы. Курорт «Хрустальный пик». Шале. Блондинка. Сиськи. Прогулка в метель. Снова блондинка. Сиськи. Холод. Огонь. Вино. Кровать.

А, да, как говорится, очень интересно, но ничего не понятно. События прошлой ночи обрушились снежной лавиной. Как же, помню. Сначала было до слез смешно, потом неловко, потом... черт, а что потом? Кажется, я решил совершить героический поступок и выйти на улицу в метель.

Потом чуть там не окочурился, потом камин и остатки коньяка. Потом... туман. В памяти полная каша.

Надеюсь, я не натворил глупостей. Хотя, судя по тому, что я проснулся один в своей постели, а не связанный скотчем где-нибудь в подвале, все обошлось.

Сел на кровати, голова закружилась. Стоп. Подождите. Я в джинсах. На простынях. Кто спит в джинсах?! Это же издевательство над комфортом! Над всеми принципами цивилизованного человека!

Спустил ноги с кровати, потряс головой, пытаюсь прогнать остатки похмелья. Встал, подошел к окну, распахнул его настежь.

И охренел.

Никакой бури. Вообще. Ни ветра, ни метели, ни апокалиптического снегопада, как вчера. Снег искрился под ярким солнцем, как рассыпанные бриллианты. Курорт «Хрустальный пик» сверкал во всей своей рождественской красе. Елки в снегу, фонари, дымящиеся трубы домиков – картинка с открытки для туристов.

Морозный воздух ударил в лицо, мгновенно прочистив мозги. Хорошо. Бодряще. Легкие наполнились чистым горным воздухом вместо застоявшегося перегара.

И тут меня накрыло воспоминание о вчерашней блондинке. Как она стояла в коридоре в халате, растрепанная, взъерошенная, но сексуальная. Кстати, у нее классные сиськи. Не большие и не маленькие, в самый раз. Наверное, упругие. И попка... да, попка тоже ничего.

Вася, ты свинья. Но свинья честная.

Закрыв окно, направился в ванную. Снял с себя эти проклятые джинсы (как я вообще умудрился в них заснуть?), бросил на пол. Туда же полетела футболка, встал под душ.

Горячая вода смыла остатки вчерашнего «кайфа» и привела мысли в порядок. Интересно, как это я не простыл вчера после такого экстремального закаливания? Но организм, видимо, справился. Хорошо, значит, сибирские гены дают о себе знать. Дед не зря говорил: «Василий, настоящий мужик должен купаться в проруби и не кашлять».

Намылился, смыл, ополоснулся холодной водой для бодрости. Вышел из душа, взял полотенце, вытерся, накинул другое на плечи. Надел чистые боксеры и домашние штаны. Глянул на себя в зеркало. Неплохо.

Волосы торчат в разные стороны, щетина отросла больше обычного, но это добавляет брутальности. Желудок заурчал, как сердитый медведь, надо поесть и срочно. А то от голода настроение окончательно испортится.

Вышел из ванной в коридор. И замер.

Внизу точно кто-то был. Слышно было, как там что-то гудит, журчит. Наверное, кофемашина. И кто-то пел что-то веселенькое, новогоднее. Блондинка? Моя соседка? Та самая, с сиськами?

Осторожно спустился по лестнице, стараясь не шуметь. Остановился у входа на кухню, прислонился к косяку. Отличный обзор, а меня не видно.

И началось шоу.

Сначала я увидел ноги. Длинные, стройные, загорелые. Черт. Вот это ноги. Такими ногами можно задушить мужчину. И он умрет счастливым.

Потом увидел попку. Упругую, аппетитную, в розовых шортиках, которые облегли каждый изгиб так, что не оставляли простора для воображения. Хотя простор для воображения и не нужен, и так все прекрасно видно.

Попка покачивалась, когда она двигалась по кухне. Гипнотически. Завораживающе.

Выше были распущенные светлые волосы. Они волнами рассыпались по плечам и спине, и в них играли солнечные лучи, падавшие из окна. Они блестели, как шелк, так и хотелось их потрогать. Запустить пальцы. Слегка потянуть...

Стоп, Вася. Контролируй себя.

Девушка стояла спиной ко мне у кофемашины и что-то напевала себе под нос. Что-то про хлопучки и игрушки, какая-то попса. Девчонки всегда напевают попсу. Она покачивалась в такт мелодии, и это покачивание... боже. Это покачивание бедрами должно быть запрещено в приличном обществе.

Она потянулась за чем-то на верхней полке, шорты задрались еще выше. Я увидел краешек кружевных трусиков. Белых. Невинных. И внизу живота тут же разлилось знакомое тепло. Легкое возбуждение.

Ну привет, дружок. Давно не виделась.

Блондинка повернулась боком, потом чуть развернулась, и я увидел ее профиль. Тонкая шея, изящный подбородок, аккуратный носик. Лицо без макияжа, естественное, но чертовски красивое. А главное, я увидел, как сквозь белую футболку просвечивают соски. Четко. Явно. Без всяких сомнений.

Футболка тонкая, почти прозрачная, соски отчетливо видны сквозь ткань. Темные кружочки ареол, упругие бугорки сосков. Размер груди самый подходящий. Не огромный и не маленький. Ровно такой, чтобы помещалась в мужскую ладонь.

Хорошо. Очень хорошо. День начинается превосходно.

Я стоял и смотрел, как она возится на кухне, наливает кофе, помешивает что-то в чашке. Каждое движение было грациозным, женственным, как танец. Она явно не подозревала, что за ней наблюдают, поэтому вела себя естественно. Расслабленно, сексуально, хотя, наверное, и не собиралась быть сексуальной.

А еще я думал о том, что вчера точно что-то напутал с домиками. Точно не специально, потому что сейчас, глядя на блондинку в розовых шортиках на кухне, я понимал: мне здесь нравится. Очень нравится. И я никуда отсюда не уеду.

Ни за что.

Даже не пойду никуда разбираться, мне и так все нравится, останусь здесь. В этом шикарном шале с видом на горы, камином, джакузи и... этой девчонкой в сексапильных шортиках.

Она отпила кофе, прикрыла глаза, довольно вздохнула. Потом открыла глаза, посмотрела в окно, поправляя волосы, а потом она обернулась и увидела меня. Секунда тишины. Мы смотрели друг на друга. Я с плохо скрываемым интересом, она с нарастающим ужасом.

А потом она завизжала.

– А-А-А-А-А-А! ЧТО... ТЫ ЗДЕСЬ ДЕЛАЕШЬ?!

Чашка с кофе выскользнула из рук и полетела вниз, звонко разбившись об пол. Кофе темной лужей растекся по плитке. Осколки разлетелись во все стороны.

– А-А-А-А-А! – завопила она еще громче, отпрыгнула в сторону, хватая в руки... сковородку. Тяжелую чугунную сковородку, которой можно проломить череп одним ударом.

– Стой-стой-стой! – поднял я руки вверх, показывая, что я безоружен. – Спокойно!

– СПОКОЙНО?! – она продолжала орать, размахивая сковородкой. – **ТЫ ПОДГЛЯДЫВАЛ ЗА МНОЙ!**

Да, подглядывал. И это было охрененно. Но говорить об этом вслух, наверное, не стоит. Особенно когда в руках у оппонента тяжелый предмет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.